

Мещенина А. А., Соколов Р. А.

Александр Невский в творчестве М. В. Ломоносова¹

Начиная со времени правления Петра I, образ одного из политических и военных деятелей средневековой Руси — Александра Невского — оказался прочно включенным в государственную идеологию новой императорской России². Краткий период правления Петра II, когда обозначился своего рода «откат» от наметившейся тенденции к тому, чтобы придать почитанию этого святого, прославленного на общерусском уровне еще в XVI в., более «светский» характер, быстро сменился возвратом к прежней линии, начертанной первым русским императором. Этот возврат был осуществлен по инициативе Анны Иоанновны, восстановившей, в том числе, и установленную в эпоху Петра Великого дату празднования памяти Александра Невского — 30 августа. Сложные коллизии, сопровождавшие эти процессы, ранее уже были подробно проанализированы³.

В предлагаемой же вниманию читателей статье будет рассмотрен более поздний по хронологии и несколько иной аспект данной проблематики, а именно, деятельность великого русского ученого М. В. Ломоносова. Его разноплановые достижения на ниве искусства и отчасти историографии также были связаны с государственной идеологией той эпохи, и в том числе с феноменом Александра Невского. При этом мы сознательно оставим в стороне судьбоносные для развития отечественной исторической науки сюжеты, касающиеся истоков противостояния норманистов и антинорманистов, поскольку очевидно, что изучение этой полемики — задача по-прежнему актуальная и требующая отдельного и весьма объемного исследования⁴. Подчеркнем также, что рассмотрение темы обозначенной в заглавии статьи, будет осуществлено, во-первых, в связи с литературно-историческими, публицистическими и художественными произведениями, а во-вторых, в связи с собственно историческими, т. е. имевшими научную составляющую, трудами ученого.

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта Российского научного фонда НФ 17-18-01168 «Модификации социально-политического учения Библии в истории и религиозные основания политико-правовой мысли Российской империи», выполняется в Санкт-Петербургском государственном университете.

² Один из частных примеров такого включения — сооруженная в XIX в. в ограде Летнего сада в благодарность за спасение Александра II от покушения Каракозова часовня Александра Невского (*Хвостова Г. А.* Часовня святого благоверного князя Александра Невского в ограде Летнего сада // *Петербургские исследования: Сборник научных статей.* Вып. 6 / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, А. А. Мещенина. СПб., 2016. С. 7–23).

³ *Соколов Р. А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // *Вестник Удмуртского государственного университета.* 2014. № 5–3. С. 18–24.

⁴ См., например: *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб., 2014. С. 30–32; *Доронин А. В.* «Россия довольна к сравнению с каждым иным европейским народом». Ломоносов у истоков отечественной историографии // *Родина.* 2011. № 9. С. 63–67.

Расцвет деятельности М. В. Ломоносова пришелся на годы правления Елизаветы Петровны, в эпоху которой он, по выражению А. С. Орлова, полностью «вписывался»⁵. Стремление «дщери Петровой» подчеркнуть преемственность собственной власти от отца общеизвестно⁶. Частным случаем такого устремления стало отношение императрицы к образу Александра Ярославича. Именно по ее инициативе в 1743 г. было положено начало традиции, соблюдавшейся на протяжении всего дореволюционного времени, — ежегодного городского крестного хода от Казанского собора к Александро-Невскому монастырю (с 1797 г. — лавра). Это стало еще одним важным дополнением к торжествам установленному в 1724 г. нового дня памяти святого — 30 августа, совпадавшего с годовщиной заключения Ништадтского мира⁷.

Непосредственно с именем М. В. Ломоносова связан еще один хорошо известный акт елизаветинского периода — изготовление в 1746–1753 гг. уникальной серебряной раки для мощей Александра Невского. Сооружением этого грандиозного произведения литейного и ювелирного искусства руководили Яков Штелин и Георг Христоф Грот. На щитках саркофага были помещены стихи М. В. Ломоносова, славящие Александра Ярославича — покровителя столицы Империи⁸. Не вдаваясь в анализ этих строф с художественной и даже с исторической точек зрения, обратим, тем не менее, внимание на один очень любопытный момент.

В тексте ученого-энциклопедиста четко прослеживается намеченное еще в речах, произнесенных наиболее выдающимися проповедниками петровской эпохи, прямое сравнение деяний царя-преобразователя и древнерусского полководца. Особенно ярко это отразилось в трудах Гавриила (Бужинского), который в одном из таких произведений («В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещений пресвятой Девы Марии»⁹) стремился провести прямые параллели между деятельностью Александра Невского и ситуацией начала XVIII в., в частности, упоминая о «льве свейском», пребывающем в «своей обикновенной» «лютости»¹⁰. Разумеется, этим прежде всего подчеркивалась историческая преемственность политики Петра I, однако вместе с тем, там же говорилось и о существовавшей в эпоху

⁵ Орлов А. С. Великий сын Отечества // Родина. 2011. № 9. С. 9–11.

⁶ См., например: Каменский А. Б. Человек Нового времени // Родина. 2011. № 9. С. 16–17.

⁷ Рункевич Г. С. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913. С. 763–768; Стецюра Т. Д. Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 241–242. — В 2013 г. традиция крестного хода на память святого Александра Невского (12 сентября (30 августа)) в Санкт-Петербурге была возрождена.

⁸ Подробно об изготовлении раки Александра Невского и ее структурных частях см.: Рункевич Г. С. Александро-Невская лавра. С. 768–771; Завадская Л. А. Рака Александра Невского в соборании Эрмитажа // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 86–91. — См. также: Кривошеев Ю. В., Мещенина А. А., Соколов Р. А. Тема «Александр Невский на историческом факультете ЛГУ-СПбГУ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 86.

⁹ Бужинский Г. Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1722). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 512–527.

¹⁰ Там же. С. 520, 525–526.

Александра монгольской угрозе, необходимости смириться перед ней, и о тяжести принятия князем такого решения: «Смири себе, егда вострабова нужда ити во Орду»¹¹.

Не отступая от намеченной в этих произведениях парадигмы, М. В. Ломоносов в стихотворной форме составил надписи для вновь созданной раки Александра Невского. В них говорилось о князе, как об «укротившем варварство на Востоке, низложившем зависть на Западе», и, что примечательно в данном случае, как о святом, который «невидимо Петру споспешествовал»¹².

В целом, помещенные на раке строки представляют собой очень краткое изложение фактологической канвы Жития Александра Невского (само собой, за исключением отсылки к деяниям Петра и его «дщери»). Новейший исследователь творческой лаборатории ученого-энциклопедиста М. Б. Свердлов осуществил весьма кропотливую работу по анализу сделанных рукой М. В. Ломоносовым помет при чтении им рукописных источников, в числе которых оказалось и Житие князя. Количество таких помет в нем небольшое, что М. Б. Свердлов объяснил описательным характером памятника¹³. Представляется, что причина этого заключалась в другом: М. В. Ломоносов просто хорошо знал содержание Жития, и оно не вызывало у него особых замечаний. Ведь, как справедливо отмечал Ю. К. Бегунов, к XVIII в. памятник имел уже 15 редакций и при этом оставался произведением, которое пользовалось неизменной популярностью и часто переписывалось¹⁴. Таким образом очевидно, что его текст был хорошо известен современникам.

Другое дело летописи. В одной из них М. В. Ломоносов особо отметил известие об отстранении Ярославичем от власти проявившего неповиновение сына Василия и казни его сторонников¹⁵, что в дальнейшем могло быть использовано для проведения исторических параллелей с драмой, разыгравшейся вокруг царевича Алексея.

Примером здесь служит еще одно в гораздо большей степени литературно-идеологическое, нежели историческое произведение ученого-энциклопедиста «Слово похвальное блаженной памяти государю-императору Петру Великому» (1755 г.). В нем содержится указание на крепость веры императора, которая проявилась не только в личном участии в переносе мощей Александра Невского, но и еще более окрепла в борьбе против «кровожаждущих изменников»¹⁶, в рядах коих, напомним, оказался и родной отпрыск государя. Несомненно, что в данном случае М. В. Ломоносов также продолжал линию, намеченную прежде Гавриилом (Бужинским). Подчеркнем, что составленная последним в конце 1724 — начале 1725 гг. новая служба Александру Невскому содержала указание на борьбу государя со «злоковарными мятежниками»¹⁷, что впоследствии, в цар-

¹¹ Там же. С. 520–521.

¹² *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959. С. 283, 491–492.

¹³ *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 625.

¹⁴ *Бегунов Ю. К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 73.

¹⁵ *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 639.

¹⁶ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 606.

¹⁷ См. текст службы: Месяца августа 30 дня. Служба благодарственная Богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между Империею Российскою и

ствование Петра II, стало одним из поводов для того, чтобы попытаться вернуть прежнюю, существовавшую до XVII в., традицию празднования памяти святого князя. Во избежание недоразумений отметим, что Ф.-Б. Шенк, делая фактическую ошибку, относит эту попытку ко времени царствования Екатерины I, в правление которой, по мнению ученого, некое абстрактное «возмущение консерваторов» якобы привело к отмене торжеств 30 августа¹⁸. На самом деле, на 18 сентября 1727 г., т. е., на день издания указа об изъятии из церкви составленной Гавриилом (Бужинским) Службы и возврате к прежней дате празднования памяти Александра Невского, императрица уже несколько месяцев была мертва, а над головой первого и весьма докучливого опекуна юного императора — А. Д. Меншикова — успела разразиться суровая гроза царской опалы. Следовательно, факт того, что инициатива отказа от установленной Петром I традиции исходила именно от Петра II и его новых фаворитов — совершенно бесспорен. Впрочем, как было сказано выше, инициатива эта была весьма скоро дезавуирована Анной Иоанновной.

Однако «возвратимся на прежнее». Соотнесение деяний Петра и Александра еще более конкретно обозначено в героической поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий», так, в одном из наиболее драматических эпизодов которой — штурме древнего Орешка-Нотебурга — показано, что пример князя вдохновлял идущих в бой русских воинов, которые «святого с горних мест героя в мысль приводят»¹⁹. Четко видна такая связь и в подготовленной к 20-летию юбилею правления Елизаветы оде, где князь уже прямо назван в качестве «петрова мужеством предтечи»²⁰. В другом, уже сугубо идеологическом сочинении — описании торжественной иллюминации в честь рождения великого князя Павла Петровича — М. В. Ломоносов называет Александра Невского среди «вечностойных памяти монархов, которые своими заслугами к построению высокого храма Российской империи великую площадь изготовили». Причем, открывает этот перечень политических деятелей русской истории (при организации иллюминации предполагалось установить их «грудные статуи») опять-таки имя Петра I (всего 14 имен, Александр — седьмой, и вопреки хронологии его место предшествует Дмитрию Донскому)²¹.

Иногда соотнесение исторических заслуг Ярославича и деяний императора у М. В. Ломоносова-поэта выглядело даже не совсем к месту. Так, например, в кратком стихотворении, написанном по случаю спуска на воду 66-пушечного корабля «Александр Невский» (1749 г.), он, восхищаясь вновь созданным судном, вдруг безо всякой логично выстроенной связи начинает восторгаться величием заслуг Петра: «Но бы в лодочке на суше чуть сидели/ Когда б великого Петра мы не имели»²².

короною швейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1725.

¹⁸ См.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М., 2007. С. 140. — Источником данной ошибки, возможно, стала аналогичная опечатка в статье Ю. К. Бегунова (*Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском.* С. 76).

¹⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 727. — Общий объем этого отрывка составляет 16 строф.

²⁰ Там же. С. 748.

²¹ Там же. С. 569.

²² Там же. С. 234.

Таким образом, в литературном творчестве знаменитого русского ученого-энциклопедиста Александр Невский, действительно, сыграл определенную роль. При этом необходимо подчеркнуть, что древнерусский правитель в данном случае практически всегда выступает в качестве политического и военного предшественника первого русского императора, который, в свою очередь, оказывается продолжателем дел традиционно почитаемого Русской Церковью святого. Однако этот момент по какой-то причине не нашел достаточно четкого освещения в научных исследованиях по теме, вынесенной в заголовок данной статьи.

Не стал исключением в этом ряду и новейший труд Ф.-Б. Шенка, посвященный исторической памяти об Александре Невском. Немецкий историк, показывая присутствующую в творчестве М. В. Ломоносова связь Петра и Александра, предпочел сосредоточить внимание на других аспектах научной и творческой деятельности русского ученого, допустив при этом некоторые неточности и вольные натяжки.

В частности, Ф.-Б. Шенк обращает большое внимание на упомянутые выше строфы надписи на раке Александра Невского. Исследователь справедливо указывает на «присутствие» в ней первого русского императора и его дочери Елизаветы. Однако этот факт, взятый сам по себе, без анализа литературного контекста петровской и постпетровской эпохи, еще ни о чем не говорит, поскольку оба монарха имели самое непосредственное отношение и к мощам, и к раке: один из них перенес останки князя на берега Невы, а вторая распорядилась о сооружении нового саркофага для их сохранения. Не вспомнить об этом было просто невозможно.

Следует обратить внимание и на два достаточно широко известных мозаичных изображения князя, выполненных в 1757–1758 гг. в мастерской М. В. Ломоносова и под его непосредственным руководством. Одно из них (22x18 см) хранится в Государственном Русском музее, другое (26x21 см, вариант предыдущей) — в Музее М. В. Ломоносова (структурное подразделение Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера))²³. Ф.-Б. Шенк не без оснований отмечал что, лицо Ярославича на них стилизовано под стандарты XVIII в. и несколько напоминает облик Петра I²⁴, к памяти которого в своей творческой деятельности М. В. Ломоносов постоянно обращался²⁵. Однако здесь следует указать на то, что, во-первых, подлинный облик князя, как других деятелей русского средневековья по понятным причинам, неизвестен, стало быть, в данном случае существовала полная свобода для творческого самовыражения. Во-вторых, трактовка портретного сходства мозаики может быть и иной: так, например, Г. Н. Моисеева считает, что прототипом для изображения князя послужила иллюстрация из Титулярника²⁶.

²³ См. их подробное описание и атрибуцию: *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М; Л., 1950. С. 149–150.

²⁴ *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. С. 140–141.

²⁵ *Пеитич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. 2. Л., 1965. С. 193.

²⁶ *Моисеева Г. Н.* Образ Александра Невского в творчестве М. В. Ломоносова // *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* СПб., 1995. С. 179. — Обзор мнений по данной проблеме см.: *Карев А. А.* Образ Александра Невского в живописи XVIII–XX в. // *Александр Невский: государь, дипломат, воин.* М., 2010. С. 288–289.

Александр Невский. Мозаика мастерской М.В. Ломоносова. 1757–1758 гг.

Отметим, что для самого М. В. Ломоносова невозможность получения сколько-нибудь аутентичного изображения Ярославича была совершенно очевидна. В свое время ученый даже направлял в Канцелярию Академии наук предложение послать в древние русские города художника с целью снятия копий с изображений князей, надгробных надписей и т. д. Это, как он надеялся, дало бы возможность «показать и в других государствах российские древности и тщание предков наших». Напечатанные же прежде «родословные грыдированные (гравированные. — Авт.) листы», как считал М. В. Ломоносов, «не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют»²⁷.

Упомянем и еще об одном нюансе. Ф.-Б. Шенк пишет, что М. В. Ломоносов «наделяет» Ярославича «согласно канону облачения правителя XVIII в. пурпурным плащом и императорской короной». Думается, что это утверждение нуждается в некотором дополнительном уточнении. Корона и плащ могут быть соотнесены со значительно более ранним изображением князя на фреске Архангельского собора Московского Кремля (1652–1666 гг.). На нем четко виден похожий на шапку Мономаха головной убор и парадный (хотя и не пурпурный) плащ.

²⁷ Цит. по: *Свирская В. Р.* [Примечание к работе 9] // Ломоносов М. Н. Полн. собр. соч. Т. VI. Труды по русской истории. Общественно-экономические вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 590.

*Александр Невский.
Роспись Архангельского собора Московского Кремля. 1652-1666 гг.*

Вообще, как справедливо указывала Н. В. Квливидзе, разработка «княжеской» иконографии Александра началась еще в XVI в. в жанре миниатюры (лицевые летописи), а затем она нашла свое продолжение и в монументальной живописи (фрески Архангельского собора)²⁸. К этой изобразительной традиции, вне всякого сомнения, примыкают и ломоносовские мозаики. Заметим также, что во фресковой росписи вологодского Софийского собора имеется своего рода переходный образец иконописного изображения святого Александра Невского, на котором красный княжеский плащ сочетается с иноческим клобуком на челе Ярославича. Эти фрески были созданы в 1686–1688 гг. артелью под руководством Д. Г. Плеханова²⁹, впоследствии они пострадали от пожара и были восстановлены в ходе начавшихся в 1963 г. реставрационных работ. Степень аутентичности отреставрированных фресок довольно высока, о чем свидетельствуют слова Н. В. Перцева: «Удаление позднейших записей открыло первоначальную живопись с подлинным цветом, характерными живописными приемами и орнаментальными украшениями одежды (курсив наш. — Авт.)»³⁰. Не исключено, что со временем новый («великокняжеский») иконописный канон Александра мог бы утвердиться и без вмешательства государственной власти, хотя, разумеется, это произошло бы намного позже.

Св. Александр Невский. Фреска Софийского собора в Вологде.
На челе – крест. (80-е годы XVII в.)

²⁸ Квливидзе Н. В. Иконография Александра Невского // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 275–279.

²⁹ О Д. Г. Плеханове см., например: Никитина Т. Л. Традиционное и индивидуальное в монументальных росписях Дмитрия Григорьевича Плеханова // X научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой: Сборник статей. — Ярославль, 2006. С. 33–40.

³⁰ Перцев Н. В. Древние фрески Вологды // Баниге В. С., Перцев Н. В. Вологда. М., 1970. С. 49.

Св. Александр Невский. Фреска Софийского собора в Вологде.
Цвет плаща – красный. (80-е годы XVII в.)

Впрочем, не будем удаляться от темы. Как мы могли убедиться, заслуги М. В. Ломоносова в увековечивании памяти об Александре Невском в области искусства и литературы неоспоримы.

Однако вопрос о трактовке исторического образа Ярослава в *научно-исторических* трудах ученого-энциклопедиста решается не столь просто, как это может показаться на первый взгляд. Если говорить строго об *историографическом* наследии М. В. Ломоносова, то придется признать, что о князе в его работах можно обнаружить лишь несколько строчек в «Кратком российском летописце», впервые изданном в Санкт-Петербурге в 1760 г. Интересующее нас место настолько мало, что его можно привести в целостном виде: «Александр Ярославич Невской, будучи на княжении новгородском, храбро побеждал шведов и *ливонских* немцев, напавших на Великий Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где *Батый*, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честью отпустил на великое княжение Владимирское, о котором меньшие его братья, Святослав и Михайло Ярославичи, между собою спорили. *По четвертом хождении в Орду*, на возвратном пути, постригшись, преставился (курсив везде наш. — Авт.)»³¹.

Столь краткий абзац дал тем не менее Ф. Б. Шенку повод для несколько странного утверждения о том, что М. В. Ломоносов желал и в этом случае максимально сблизить образ князя и Петра I. Доказывая это, немецкий историк прямо игнорирует приведенные выше слова самого энциклопедиста, и вопреки очевидному пишет, что «ни победа Александра Невского на Чудском озере, ни его промонгольская политика не удостоилась упоминания в краткой записи Ломоносова. Примечательно — продолжает Ф.-Б. Шенк, — что ученый не говорит ничего и о святости Александра. Невская победа полностью вытеснила из памяти прочие его заслуги, Александр сливался воедино с Петром Великим и становился метафорой первого российского императора»³². В то же время, из приведенного отрывка четко следует, что в «Кратком российском летописце» упоминаются и «ливонские немцы», и визиты в Орду, один из которых завершился даже получением великого княжения. Непосредственно же о Невской битве (ее прямо упоминаний) там не говорится вовсе.

Подчеркнем и то, что текст об Александре Невском не выделяется среди прочих ничем существенным. Его объем не превышает аналогичные записи о других князьях: он не больше, например, статьи о Ярославе Всеволодовиче, Юрии Даниловиче или о Дмитрии Донском. Некоторые из приведенных в нем оборотов имеют характер клише: о Ярославе в «Летописце» говорится, что он тоже «храбро воевал на Литву и на немец по новгородцах», а Андрей Александрович «постригся и преставился». Не упомянуто в текстах «Летописца» и о канонизации других древнерусских правителей, например, Михаила и Александра Тверских³³. Стоит оговориться и о том, что авторство М. В. Ломоносова применительно ко второй части этого произведения, о которой здесь и идет речь, послужило предметом для научной дискуссии. По этому поводу Л. Б. Модзалевским еще в 1940-х годах было высказано вполне аргументированное (хотя и небес-

³¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VI. Труды по русской истории. Общественно-экономические вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 308–309. — Помимо этого в данном произведении есть справочные сведения о супруге и сыновьях князя (Там же. С. 352).

³² Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. С. 141.

³³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 308, 311, 312, 312, 315–316, 311–312, 313.

спорное!) предположение, согласно которому, эта часть была написана библиотекарем Академии наук А. И. Богдановым. Роль М. В. Ломоносова же, по мнению историка, в данном случае сводилась к редактуре³⁴. Однако Ф. Б. Шенк об этом предпочитает даже не упоминать, вероятно, потому что изначально не желает ставить под сомнение уже сделанные заранее выводы.

Таким образом, можно с достаточной степенью обоснованности утверждать, что повествование об Александре Невском у М. В. Ломоносова в данном случае, в отличие от ранее рассмотренных сюжетов, вовсе не имеет какой-либо избыточной идеологической нагрузки, в нем нет усмотренной Ф.-Б. Шенком «метафоры» соединения князя и императора. В частности, русский ученый XVIII в. не был сосредоточен исключительно на шведском направлении внешней политики Ярославича. Это доказывает, кстати, предложенный им в 1764 г. сюжет для одного из живописных полотен, которые предполагалось написать для покоев императрицы Екатерины II. На нем М. В. Ломоносовым было предложено изобразить «Победу Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере»³⁵. К этому стоит добавить, что значимость для последующего развития отечественной историографии «Краткого Российского летописца» вообще не стоит излишне преувеличивать, поскольку он, хотя и получил на короткое время значение чуть ли не единственного пособия по изучению истории России, но все же повлиять серьезно на историческую мысль в целом, конечно, не мог в силу своей ограниченности: даже его главная (вторая) часть, в которой содержится, среди прочего, и приведенное сообщение об Александре Невском, представляла из себя не более чем своего рода набор справочных материалов о русских правителях (наиболее заметные события правления, хронология, иногда небольшая характеристика)³⁶.

Не будет излишним указать также на то, что при недостатке сведений о фактах биографии Ярославича М. В. Ломоносов, строго следуя за наиболее достоверными летописями, избежал соблазна внести путаницу в эти, и без того лапидарные, сведения. В третьей части «Краткого российского летописца» — «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями» — идет простое перечисление великих князей и царей вплоть до Петра I с указаниями на вступление в брак и родившихся детей. Относительно Александра сказано следующее: «Александр Ярославич Невский. Супруга: княжна Полоцкая Брячислава. Сыновья: Василей, Дмитрий, Андрей, Данило»³⁷. Позднее с легкой руки В. Н. Татищева приведенные факты пополняют-

³⁴ Модзалевский Л. Б. Об участии А. И. Богданова в составлении «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова // М. В. Ломоносов: Сб. статей и материалов. [Вып.] II. М.: Л., 1946. С. 267–268; Свирская В. Р. [Примечание к работе 9] // Ломоносов М. Н. Полное собрание сочинений. Т. VI. Труды по русской истории. Общественно-экономические вопросы и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 589; Пешич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 2. - Ср. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 713; Фомин В. В. «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносов в историографии // Историки и история 2009–2010. Историографический вестник. М., 2012. С. 14–23.

³⁵ В общей сложности им было предложено 25 сюжетов из русской истории (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 369).

³⁶ Пешич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 2. С. 189.

³⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 352.

ся «новой» малодостоверной «подробностью»: супруга Ярославича будет поименована Прасковьей³⁸. Н. М. Карамзин, опираясь на тексты надписей на надгробиях Успенского собора Княгинина монастыря (в том виде, как они читались в его время), сообщал о двух женах князя — Александре и Вассе³⁹. В недавнем исследовании А. В. Сиренова показано, что эта «дополнительная» информация (кстати вошедшая в современную научно-популярную и даже просто научную литературу), не является достоверной⁴⁰. Таким образом подход к этому вопросу М. В. Ломоносова был полностью оправдан: он не «дополнял» летописные сведения и доверял только однозначно проверяемой информации, хотя те же два гипотетических брака князя могли бы в большей степени «сблизить» его с Петром, дважды заключавшим брачные союзы.

В заключение, хотелось бы подчеркнуть следующее. Тема «Александр Невский» для научно-исторических изысканий М. В. Ломоносова была второстепенной, он уделил ей намного меньше внимания, нежели, скажем, древнейшему периоду русской истории. Причиной этого было то, что ученый, предполагавший продолжить начатый им труд⁴¹, просто не успел этого сделать. Потому и освещение деятельности князя в исторических работах исследователя ограничилось фактически лишь «Кратким российским летописцем». Однако, как было показано выше, краткое повествование об Александре Невском в нем совершенно лишено идеологической составляющей. В противоположность этому, именно такая составляющая хорошо прослеживается в публицистических и литературных произведениях М. В. Ломоносова. Иначе говоря, на данном примере можно убедиться в том, что ученый при всей энциклопедичности своих изысканий был способен умело обозначить грань между собственно историческими штудиями, где легкое проведение параллелей с современностью и недавним прошлым было недопустимо, и работой в ином жанре — литературы и публицистики, где такие вольности вполне допустимы и даже оправданы. Потому нельзя согласиться с Ф.-Б. Шенком⁴², который, анализируя наследие русского ученого, склонен противопоставлять творчество М. В. Ломоносова другим профессиональным историкам. Что же касается мозаик с изображением Александра Невского, то трактовка их портретного сходства в научной литературе неоднозначна: допустимы и сравнения с Петром I, и с изображением князя в «Титулярнике». По нашему мнению, в данном случае, от слишком уж прямолинейных выводов целесообразно воздержаться, иначе исследователь при отсутствии документальных источников рискует «додумать» за М. В. Ломоносова то, что он на самом деле не имел в виду.

³⁸ Татищев В. Н. Собр. соч. Т. V и VI. История Российская. Ч. 3. М.; Л., 1965. С. 25.

³⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. IV. М., 1992. С. 55, 215, прим. 110.

⁴⁰ Сиренов А. В. Источники XVI в. о браках Александра Невского // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов. СПб., 2014. С. 44-52.

⁴¹ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 725.

⁴² Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. С. 158.

Источники и литература

1. *Бегунов Ю. К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 72–84.
2. *Бужинский Г.* Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1722). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. 676 с.
3. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2014. 560 с.
4. *Дорогин А. В.* «Россия довольна к сравнению с каждым иным европейским народом». Ломоносов у истоков отечественной историографии // Родина. 2011. №9. С. 63–67.
5. *Завадская Л. А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 84–92.
6. *Каменский А. Б.* Человек Нового времени // Родина. 2011. № 9. С. 16–19.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 12-ти т. Т. IV. М.: Наука, 1992. 480 с.
8. *Карев А. А.* Образ Александра Невского в живописи XVIII-XX в. // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М.: Р-Валент, 2010. С. 285–314.
9. *Квливидзе Н. В.* Иконография Александра Невского // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М.: Р-Валент, 2010. С. 267–284.
10. *Кривошеев Ю. В., Мещенина А. А., Соколов Р. А.* Тема «Александр Невский на историческом факультете ЛГУ-СПбГУ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 86–92.
11. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
12. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. VI. Труды по русской истории. Общественно-экономические вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 689 с.
13. *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 311 с.
14. Месяца августа 30 дня. Служба благодарственная Богу в Троице святей славному на воспоминание заключенного мира между Империею Российскою и короною свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского: [текст]. СПб., 1725. 27 л.
15. *Модзалевский Л. Б.* Об участии А. И. Богданова в составлении «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова // М. В. Ломоносов: сборник статей и материалов. [Вып.] II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 265–270.
16. *Моисеева, Г. Н.* Образ Александра Невского в творчестве М. В. Ломоносова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 177–180.
17. *Орлов А. С.* Великий сын Отечества // Родина. 2011. № 9. С. 12–15.
18. *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 344 с.
19. *Рункевич Г. С.* Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913. 1131 с.

20. *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-история, 2011. 916 с.
21. *Свирская В. Р.* [Примечание к работе 9] // Ломоносов М. Н. Полное собрание сочинений. Т. VI. Труды по русской истории. Общественно-экономические вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 588–591.
22. *Сиренов А. В.* Источники XVI в. о браках Александра Невского // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов. СПб.: Академия исследования культуры, 2014. С. 44–52.
23. *Соколов Р. А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // Вестник Удмуртского государственного университета. 2014. № 5–3. С. 18–24.
24. *Стецюра Т. Д.* Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М.: Р-Валент, 2010. С. 219–267.
25. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. V, VI. История Российская. Ч. 3. М.; Л.: Наука, 1965. 344 с.
26. *Фомин В. В.* «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносов в историографии // Историки и история 2009–2010. Историографический вестник. М., 2012. С. 14–23.
27. *Хвостова Г. А.* Часовня святого благоверного князя Александра Невского в ограде Летнего сада // Петербургские исследования: Сборник научных статей. Вып. 6 / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, А. А. Мещенина. СПб.: [Б. и.], 2016. С. 7–23
28. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.